

Павел Владимирович Засодимский

Золотая чашка

Павел Засодимский

Золотая чашка

«Public Domain»

Засодимский П. В.

Золотая чашка / П. В. Засодимский — «Public Domain»,

«...Тимоша обомлел. Ухватившись рукой за полку и растерянно смотря вниз, он стоял на лавке неподвижно, как статуя, ни жив ни мертв. Солнечный луч, яркой полоской падая из окна, играл на осколках разбитой чашки, и Тимоша, как очарованный, не мог глаз отвести от этих осколков, блестевших на темном щелеватом полу...»

Павел Владимирович Засодимский

Золотая чашка

В ясное июльское утро Григорий Гурьянов, липняговский лесник, собрался в объезд по своему участку. Он крепко затянул на себе широкий ремень, перекинул за плечо ружье и надел свою походную сумку таким образом, что ремень от сумки и ружейная перевязь перекрещивались у него на груди. Надвинул на лоб круглую форменную шапку с жестяной бляхой и, закрутив на руку нагайку, вскочил на своего Серого.

– К вечеру возвращусь! – крикнул он своей Харитине, поправляясь в седле и забирая в левую руку поводья.

– А ты, батя, обещал взять меня с собой! – обратился Тимоша, держась за его стремя.

– Ну, ладно, ладно! Ужо, в другой раз... – промолвил лесник, с добродушной улыбкой посмотрев на белокурую головку своего сынишки.

– А синицу привезешь? – приставал мальчуган.

– Где ж я возьму для тебя синицу! Теперь синицы разлетелись! – ответил Григорий, заворачивая лошадь от крыльца.

– Ну, вот ты какой! – надув губы, протянул Тимоша, неохотно оставляя стремя.

Григорий мелкой рысью направился по дороге в лес и скоро скрылся в зеленой тени развесистых деревьев.

Григорий Гурьянов – отставной солдат, гвардеец, высокий, видный, молодец собой и прекрасный наездник – уже пятнадцать лет служил лесником в казенной Карачановской даче. Дело его заключалось в том, чтобы беречь, охранять лес от всяких бед и напастей – от вредных насекомых, от пожара, от порубщиков. Каждое воскресенье он должен был ездить к лесничему верст за двадцать пять, в большое село Карачанов Лог, и доносить о том, все ли благополучно на его участке. Если на деревьях появлялось какое-нибудь зловредное насекомое, Гурьянов немедленно давал знать о нем лесничему; если в лесу случался пожар, он опять извещал о том лесничего и сельские власти соседних деревень, и те отряжали крестьян для тушения пожара.

Главные же хлопоты у лесника были с порубщиками. Зимой безлиственный лес, засыпанный снегом и увешанный серебристым инеем, стоял тихо, неподвижно, как заколдованный, и стук топора издали был явственно слышен, и порубщика было легко накрыть. В летнюю же пору, когда лес шумел при ветре, до него трудно было добраться. Застав крестьянина за рубкой казенного леса, Гурьянов должен был отнять у него топор как видимую улику преступления, заметить порубленное или уже сваленное дерево и о происшедшем донести лесничему. Терпел он, терпел, да однажды тяжела показалась ему такая служба. И в одно из воскресений он заявил лесничему о своем намерении оставить службу. Лесничий очень ценил исполнительного, расторопного лесника, представлял его к наградам и теперь был немало удивлен его неожиданным заявлением.

– Что ж так, Гурьянов? – спросил его лесничий. – Почему тебе вздумалось уходить?

– Тяжело, ваше благородие! – смутившись, ответил лесник.

– Как так – «тяжело»? Отчего же? – переспросил лесничий.

– Вон того мужика из Ахматовки оштрафовали... Мужик-то ведь совсем разорился. Смотреть на них жаль, ваше благородие! – говорил Гурьянов, по старой привычке стоя навывтяжку перед начальником.

– Ну, Гурьянов! Не мы с тобой законы пишем, не мы за них и в ответе! – сказал лесничий.

– Точно так, ваше благородие, – почтительно отозвался Гурьянов, – а все-таки...

– Ты уйдешь, на твое место поступит другой, – заметил лесничий. – Может быть, навяжется какой-нибудь недобрый человек, пьяница, взяточник, вор, начнет притеснять. Крестьяне-то взвоят от него! Есть ведь такие лесники. За всеми, брат, каждый час не углядишь.

Стал лесничий уговаривать Гурьянова не бросать службу – и уговорил.

Служба лесника была не только беспокойная, но и опасная. Пойманный и оштрафованный порубщик имел возможность жестоко отомстить, спрятавшись в засаду. Гурьянов мог натолкнуться на целую толпу нарушителей, – его могли избить и даже убить до смерти. Голодные люди отчаянны и злы.

Гурьянов за свою многотрудную службу получал небольшое жалованье и имел даровую квартиру – избу. При избе находился довольно просторный двор, обнесенный сараями и высоким плетнем, с крепкими тесовыми воротами. Высокий плетень и крепкие запоры были нужны для защиты от волков. Вокруг избушки, на все четыре стороны, расходилась глухая, дремучая лесная чаща, – и волки, особенно в зимнюю голодную пору, с ранних сумерек и до солнышка сновали около жилья лесника, жалобно порой завывая. Серые были иногда до того дерзки, что, пробегая по снежным сугробам около хаты, заглядывали в оконца и чуть не тыкались в них мордой. В таких критических случаях Медведко – черная косматая собака лесника – забирался в сенцы и, чувствуя себя в безопасности, грозно рычал и лаял на незнакомых пришельцев.

У Гурьянова, кроме лошади, была еще корова, десяток овец и несколько кур.

Поселки лесников называются «кордонами». Тот поселок, где жил Гурьянов с семьей, назывался Липняговским кордоном.

В течение пятнадцати лет Григорий и его Харитина так сжились с своей избушкой, так привыкли к своему лесному житью-бытью, что им уже казалось, что и на свете нет ничего лучше и краше Карачановского леса и их Липняговского кордона.

Они знали в лесу каждую тропинку, каждую поляну, можно сказать, знали каждое дерево. Знали, где какое растение найти, где какие ягоды растут, где больше водятся грибов. В лесу они были как дома: при солнце и без солнца, днем и ночью они всегда могли найти дорогу к своей хате по таким приметам, которые для других ровно ничего не значили. По наклону вершин деревьев, по количеству и по расположению ветвей, по стволам, с одной стороны гладким, а с другой – подернутым мхом, они всегда могли безошибочно угадать, где полуденная сторона, где север, где солнечный восход и где закат.

Харитина редко оставляла кордон: лишь иногда в воскресенье вместе с мужем отправлялась она на базар в Карачанов Лог для продажи кур, яиц, масла, баранов, шерсти и для закупки различной домашней провизии.

Тимоша родился и вырос в лесу, на Липняговском кордоне, и так же хорошо, как отец и мать, знал ближайшие лесные чащи. Он был мальчик очень наблюдательный и с большим вниманием относился к совершавшейся вокруг него лесной жизни.

В летнюю пору с утра до ночи он проживал в лесу, собирал ягоды, грибы, цветы; как настоящий лесной зверек, лазал по деревьям, заглядывал в птичьи гнезда и за некоторыми гнездами изо дня в день следил, как вылуплялись маленькие птенчики, как они понемногу подрастали; иногда издали подсматривал, как мать, прилетая с добычей, совала птенцам корм в желтые, широко раскрытые клювы.

Тимоша очень любил лес, и в лесу ему жилось так привольно и дышалось так легко, что он не променял бы своей лесной глуши ни на какие сказочные палаты. Жизнь зверей и птиц, жизнь деревьев и цветов, все живое, все близкое и далекое занимало его, будило его воображение и мысль. Тихое и ясное благоухающее летнее утро, с пением и щебетанием птиц, с несмолкаемым жужжанием насекомых, и легкие белые облака, проплывающие по небу, и темная туча, застилающая солнце и в виде черного чудовища поднимающаяся над лесом, яркие молнии и громовые раскаты, стозвучным эхом отзывающиеся по лесу, и буря с вихрем, шумно налетающая на лес, сокрушающая и ломающая деревья и наполняющая гулом и треском лесные чащи, и тихий румяный вечер, золотящий в огне заката зеленые вершины, и синяя звездная ночь, сгущающая тени в лесу, – все говорило мальчику чудным, внятным ему языком. А зимой, когда снег валил густыми хлопьями или поднималась метель, Тимоша, припоминая то страшные, то

трогательные мамыны сказки, из-за ворот или из окна хаты чутко прислушивался и приглядывался к тому, как Ветер Ветерович разгуливал по лесу и заносил его белыми пушистыми сугробами. И думалось тогда Тимоше: не увидит ли он из-за снега бабу-ягу, едущую в ступе, или мужика, по наущению злой мачехи увозящего в лес на погибель свою милую, любимую дочку. Или: не увидит ли он, как медведь тащит к себе в берлогу девицу-красавицу...

Тимоше уже минуло шесть лет. Он был мальчик небольшого роста, но плотный, здоровый, с румяными щеками, с веселыми, смеющимися ямками на щеках, с большими ласковыми и кроткими голубыми глазами, с густыми белокурыми волосами, светлыми и блестящими, как хороший чесаный лен. Отец редко его подстригал, и поэтому волосы неровными прядями почти закрывали ему уши и падали на лоб.

Зимними вечерами отец уже начинал понемногу учить его грамоте. Жена лесничего, очень добрая, приветливая женщина, подарила однажды Гурьянову для сына книжку с картинками, изображавшими зверей и птиц, корабли, плывущие по бурному морю, горы, дышащие огнем, и какие-то невиданные дворцы и храмы, леса и пустыни далеких стран. Эту книжку, как драгоценность, лесник держал в шкафу под замком, и для Тимоши было истинным праздником, когда отец вынимал книгу из заветного шкафа и давал Тимоше смотреть картинки и объяснял их. Мальчуган полюбил эту книгу и относился к ней так же бережно, с таким же глубоким благоговением, как и отец.

Так до сего дня тихо и безмятежно текла жизнь в хате лесника.

В летнюю пору Григорий Гурьянов почти каждый день объезжал свой лесной участок. Так и в то памятное для него утро пустился он в свой обычный путь по знакомой дорожке, вовсе не предчувствуя, что ждет его вечером, по возвращении домой.

Проводив мужа, Харитина взялась за свое шитье и села на крыльце под навесом, защищавшим ее от солнечных лучей.

В тихом утреннем воздухе уже чувствовалось горячее дыхание наступающего знойного летнего дня. Лес, со всех сторон зеленой стеной окружавший Липняговский кордон, стоял, не шелхнувшись, в своем великолепном летнем убранстве, цветущий, благоухающий, и словно замер в дремотном безмолвии под ясными голубыми небесами. Чирикание птиц в соседнем кустарнике порой смолкало, и было явственно слышно, как где-то дятел долбил дерево. Куры с тихим кудахтаньем бродили по двору и рылись в песке. Медведко лежал в тени у ворот.

Тимоша собирался в лес и искал нож: ему нужно было срезать небольшую вербочку. Он вскочил на лавку и, поднявшись на цыпочки, шарил рукой по полке. На полке было темновато. Шаря по ней рукой, Тимоша как-то нечаянно толкнул локтем чайную чашку, стоявшую на краю полки. Чашка полетела на пол и разбилась вдребезги. Харитина услышала звон и треск разбившейся посуды и с тревожным видом заглянула в хату.

– Тимошка, ты что тут? Чего разбил? – спросила она и вдруг, всплеснув руками, вскрикнула отчаянным голосом. – Чашку отцовскую? «Золотую чашку!» Ах, ты, пострел! Ах, ты, баловник! Что ты наделал? А?

Тимоша обомлел. Ухватившись рукой за полку и растерянно смотря вниз, он стоял на лавке неподвижно, как статуя, ни жив ни мертв. Солнечный луч, яркой полоской падая из окна, играл на осколках разбитой чашки, и Тимоша, как очарованный, не мог глаз отвести от этих осколков, блестящих на темном щелеватом полу.

– Что уж отец-то скажет? – в волнении говорила Харитина. – Уж он тебе задаст! Какую чашку-то разбил! А! Подумать только...

Та чайная чашка была, действительно, не простая чашка. Кум, богатый торговец из Карачанова Лога, привез ее Гурьянову из Нижнего в подарок, и эта великолепная чашка считалась редкой дорогой вещью в хате лесника. Чашка была большая и очень красиво расписана цветами и золотом. Из этой чашки никто не пил: она обыкновенно стояла в шкафу. Вчера, как

на грех, Гурьянов вынул чашку из шкафа, чтобы показать ее товарищу-леснику, захавшему к нему на перепутье. Вечером, по отъезде гостя, лесник второпях поставил ее на полку, а утром позабыл о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.